

МОЛОДЕЖЬ ПОШЛА — ДРЯНИ! О ДОСТОИНСТВЕ ЧЕЛОВЕКА

— Молодежь пошла — дряни! — Дряни! — Пыли! — Пыли! — Беда с молодым нашим поколением, беда! Не нравится мне оно, прямо горюю... — Все они растут отравляющими зрелищами. Упрямые, самовлюбленные и воображающие себя сверхчеловеками! — Что говорит — поколение с червоточной! — Вторят друг другу серокопелые персонажи двух последних пьес Виктора Розова «В поисках радости» и «Нервный бой». Конечно же, не все старшие думают так. Но вот подбивает оборотистому Лапшину спешливую Тасю. Страдальчески и сердито обличает пеньяничка Святослава его тетя Тамара, наутрающая простым обстоятельством, что мальчик успел вырасти. Лежит сразу же свой приговор ембле — старше — младше, а по признаку отношения к жизни. Мещанская, корыстная психология не имеет возрастов — так же, как и бескорыстная, высокая...

«Я ни о чем не хочу говорить», — твердо и тихо произносит Святослав в ответ на такое, казалось бы, деликатное предложение тети Тамары потолковать о самых обыкновенных житейских вопросах. «А вам что?» — бросает он вызов дяде Роману. Никому не дано коснуться того, что происходит в душе Святослава. И если он любит Лизу, никто на свете не может этому помешать. «То есть как это — ничего не поделаешь! Очень даже мы поделаем!» — «Он еще и не человек... Человека то мы из него только делаем...» — заявляет жена Романа и сам Роман. Вот оно, это знаменитое мещанское «мы». Вот оно, это старое доброе правило обывателя, по которому все надо обломать на свой образец, все привести к общему привычному знаменателю. Зачем трогать время на то, чтобы понять, когда все ясно! Роман привык врываться к человеку в душу без спросу, обливаться грязью все то, до чего не сумел подняться сам, искать управы, грозить всеобщим кулаком, кричать громко о событиях, которые совершаются в глубине чьей-то души...

И вот первая любовь Святослава Заварины оказывается предметом чуждым и неуправляемым. Он еще не знает, что такое любовь. Лиза же уже заседает шумный семейный совет, выискивая средства борьбы с «пацанством», устраивая ночные засады, готовя публичные «разоблачения». Он не смеет еще поцеловать Лизу — а ее уже объявляют «гулящей»... Святослава хотят «вытащить», «спасти», его боятся «прозевать», — и все это только потому, что он впервые заявил о своих правах на самостоятельность решений и поступков...

Сегодня двадцать четвертое августа. — Сегодня двадцать четвертое августа. И я буду любить тебя всегда — ты это знай, — торжественно, светло звучат слова Лизы и Святослава. — Пройдут годы, наступит зрелость. Но они не забудут этот осенний рассвет, далекие гудки электровоза, привидения, запыленные теоремы под окнами длинного нязкого дома, где они выросли рядом — и побоями друг друга. Не забудут утро новой, теперь...

Он не хочет лукавить, оправдываться, давать объяснения. Она просто спрашивает: «Дядя Рома, а почему у дяди детей нет?» — «Тебе-то что?»

ЕЩЕ ОДНО ЧУДО ЗОЛОТОЙ РЫБКИ

ОКАЗЫВАЕТСЯ, золотая рыбка, которая в конце известной сказки «ничего не сказала», «лишь хвостом по воде плавнула», теперь снова символически и совершенно чудно, о каком не смела мечтать даже зарывающаяся старуха.

В самом деле, разве это не волшебство? В программе французских короткометражных фильмов, идущих сейчас в Москве, «История золотой рыбки» занимает всего минуту пятнадцатой, сюжет ее самый пустынный. Но почему же в киноиндустрии волнует больше этих серьезных панорамных фильмов?

Думается, это чудо могло произойти только потому, что в него повернул сам создатель фильма Эдмон Сешан. Он повернул, что даже в показанном им мире черных дымящихся труб, железных, наглухо закрытых заводских решеток, каменных нагромождений домов, дворов-колодедей, — даже в этом скучном мире, где жизнь струится и размеренна, время людей строго учено, пробито на служебных табелях, а у провинциальных пельняней лица, даже здесь может случиться сказка.

И сказка действительно начинается — особая сказка, в которой грань реального нигде не нарушается и в то же время все необычно. Маленькая золотая рыбка сама выбирает себе хозяйина. Сказка? Но поговорить не позволено в нем. Ведь мы же видим собственными глазами, как ловят ускользающую рыбку от скалы владыка аквариев, собирающиеся вручить ее унылому бродягу. А стояло только маленькому мальчику с черными раскосыми мечающимися глазами указать на рыбку палочкой, как она сама юркнула в скачок. И вот уже довольная рыбка у мальчика в комнате начинается свой фантастический танец, та же восторженная, счастливая жизнь.

Она делает в воде грациозные па, то осторожно, плавно двигаясь вперед и назад, точно в медленном танго, то бурно, вальсообразно вращаясь во-

Два дня в Турине

Из Рима и Неаполя, Флоренции, Милана, Генуи и других городов Италии съехались в Турин педагоги и литераторы, киновеисты и работники театра на эту первую итали-советскую встречу деятелей литературы и искусства для детей, организованную обществом «Италия—СССР». Два дня в одном из покоев дворца Кариньяно на специальных столах прилегли внимание посетители красочные издания итальянских и советских детских писателей. В течение двух дней обсуждались насущные вопросы современного эстетического воспитания детей и юношества.

ЦВЕТ ВРЕМЕНИ

С ТЕХ ПОР, как я впервые вошел в горскую саблю, два цвета живут в моей зрительной памяти: черный и красный. Это были традиционные цвета сабельных ковров. Черное и красное сплетались в строгом чередовании. В одно сакли смотрели черные зубы снай, между которыми горело красное солнце. То живое впечатление надолго осталось во мне, как две волнующие ноты, которые звучат в душе чем-то неразгаданным и неясным.

Если б люди от тоски Пакидали свой аул, Рынале, чем они свой дом, Я б покинул белый свет.

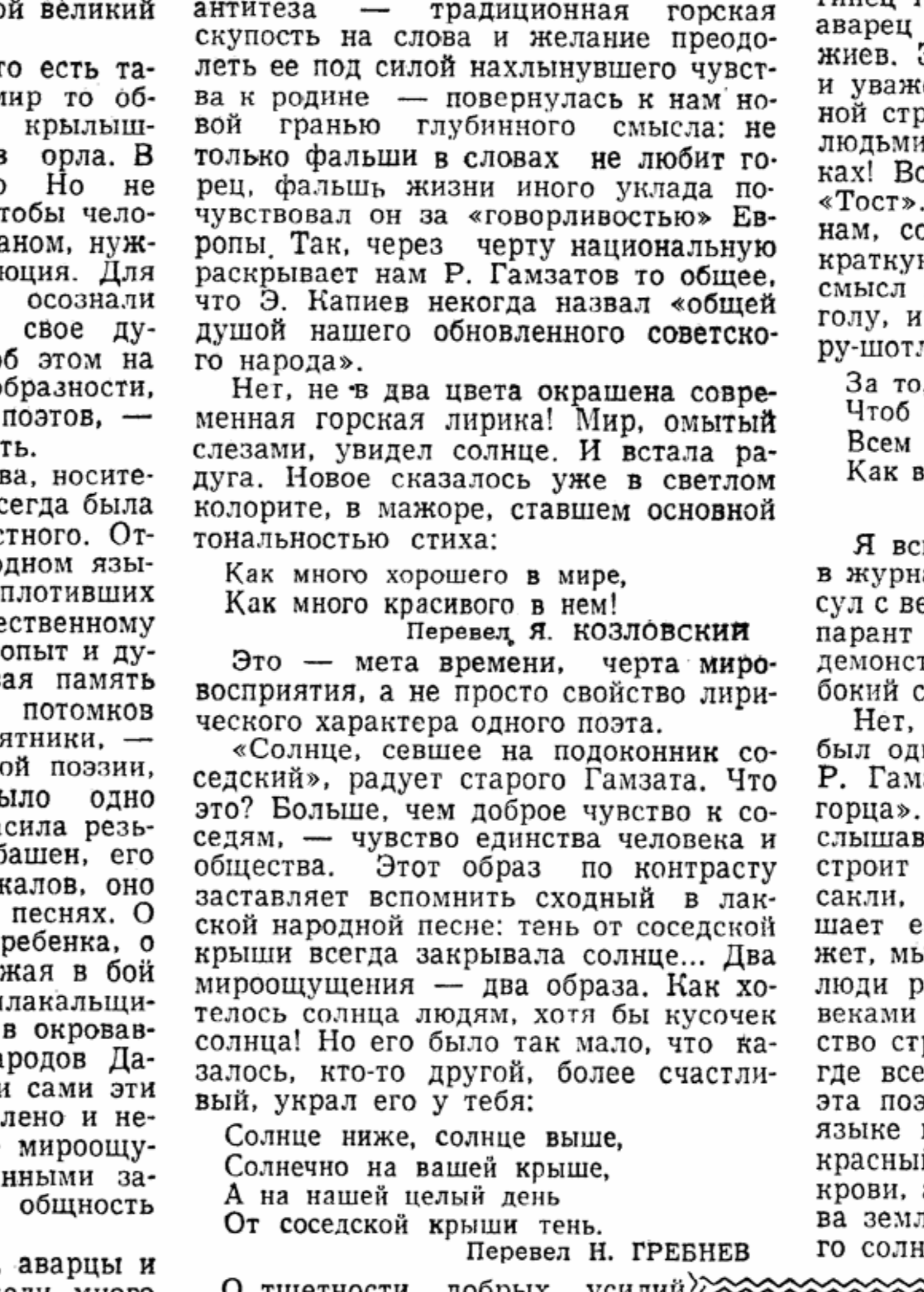
Странник, изгой, Батырбай выходил на дороги, уводящие от родного дома. Но по зову сердца, а по зову тоски. Он хочет сказать, что тоска его огромна, ее не вместит белый свет — не то что аул. Но на фоне этой непомерной боли как мал и беззащитный человек...

Мой край, не суди сурово За то, что обман мужичин Забыл и и нежное слово К тебе обращаю, как сын.

Один эпитет: говорливый Европа, и антиреза — традиционная горская скупость на слова и желание преодолеть ее под силой нахлынувшего чувства, фальшь жизни иного уклада почувствовал он за «говорливостью» Европы. Так, через черту национальную раскрывает нам Р. Гамзатов то общее, что Э. Капиев некогда назвал «общей душой нашего обновленного советского народа».

Их хотя дарящие, ланцы, аварцы и другие народы издавна имели много общих героев и общих песен, духовно-национальное сплочение Дагестана было невозможно без общего языка-объединителя. Таким языком явился русский язык-освободитель, язык-просветитель, язык-строитель.

Сегодня аварцы читают по-русски даргинца Батыра, а ланцы воспевают соловьев Чанки и Махмуда, Лезгин Сулейман, кумык Магомед-Эфенди Османов одинаково дорожи дагестанцам.

Самое дорожное. Скульптор Л. Разумовский

Советское написание с доклада профессора Римского уривестника Луиджи Вольпи. Основываясь на анализе наследия советского писателя и педагога А. Макаренко, докладчик сумел увлечь слушателей интересными суждениями о воспитательной роли искусства и значении детской литературы в формировании личности, о задачах воспитания нового человека.

На трибуне — учитель Марко де Роза из Неаполя. Он горячо одобряет характер изданий советской детской литературы и говорит о преимуществах государственной плановой системы в сравнении с частными, буржуазными издательствами. «Современная жизнь Италии не дает материала для воспитания светлых эстетических идеалов», — отмечает оратор. — Сейчас итальянская мать не может сказать сыну: «Будь честным!» В Неаполе быть честным — значит умереть.

Учитель смеялся автор. Он очень волнуется, на его глазах щекак пламянет румянец. Это — Джамани Коппа, энтузиаст театра марнетто. «Я рассматриваю приглашение на эту конференцию, как премию за тридцать лет моей жизни, отдавших служению театру кукол. К сожалению, я не буду, очевидно, больше иметь возможности выступать перед публикой со своими спектаклями. Мне негде их показывать. Театр марнетто в Италии переживает сейчас небывалый кризис. Я завидую советскому театру кукол, о котором заботится само государство...»

С листком бумаги в руках поднимается на трибуну наш старый друг и любимец италийский поэт Джамани Родари. Он говорит о засилии католической церкви в воспитании детей, о ее влиянии на издание детской литературы. «Частные буржуазные издательства тормозят развитие прогрессивной детской литературы, мешают изданию книг советских писателей и создают неблагоприятные условия для пропаганды псевдолитературы, издаваемой лишь ради живых изданий».

Они начинали Братскую ГЭС. Художник Ю. Подписный

Ю. ХАНЮТИН

